

ОСИПОВИЧ М. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОСИПОВИЧ Михаил Васильевич, родился в 1907 в деревне Громовичи Осимянского уезда Минской губ. В 1923 — перешел границу СССР-Польша. Окончил в Минске сельскохозяйственный факультет университета, работал плановиком-экономистом в районных Рабоче-крестьянских комитетах. 18 марта 1933 — арестован, 17 мая приговорен к 3 годам ИТЛ и в июне отправлен в Дмитлаг.

В декабре 1935 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<26 декабря 1935>

«Организац<ия> помощи политическим заключенным.
Екат<ерине> Павл<овне> Пешковой

от заключенного Димитровских
исправит<ельно>-трудовых лагерей
Осиповича Михаила Васильевича

Жалоба

Последняя моя надежда, а также и просьба обращена только к Вам.

По окончании Сельскохозяйственного Факультета Белорусского Государственного Университета, в период 1931-1932 г<одов> я работал в качестве экономиста-плановика при районных исполнит<ельных> комитетах; Ушачский и Заславский БССР.

18/III-33 г<ода> Ст<аршим> Уполномоченным Полоцкого пограничного отряда арестован, а 17/IV-33 г<ода> тройкой ПП гор<ода> Полоцка приговорен к 3-м годам с отбыванием наказания в исправит<ельно>-трудовых лагерях, кое наказание с июня мес<яца> 1933 г<ода> и отбываю на строительстве Дмитлага.

Мне 28 лет. В 1923 г<оду>, имея около 16 лет, я из западной части Белоруссии, оккупированной в 1920 г<оду> Польшей, приехал в СССР, после чего 3 года служил добровольцем в Красной армии, а потом учился и частично работал.

Как дома, так и здесь жизнь все время протекала в борьбе за кусок черного хлеба. Вся надежда и перспектива моей жизни заключалась в наилучшем исходе моего окончания учения. Этого момента я дождался, но увы... на пороге моего жизненного прогресса сразу все оборвалось датой 18/III-33 г<ода>.

Стоит ли Вам говорить о том, что квалификация моего преступления по 58 ст<атье> УК четырьмя пунктами совершенно не подкреплена не только моим действием, но даже и письменными материалами. Это положение и до сего времени занимает мою мысль: в чем я виновен? И как ни странно, не могу дать сам ответа, ибо <нрзб.> настолько крепко скреплено, что мои все старания доказать свою невиновность предъявленного мне обвинения в течении почти 3-х лет ни к чему не привели, и мои скромные просьбы о пересмотре дела остались голосом вопиющего в пустыне, т<о> е<сть> без ответа.

Для меня ясно стало одно обстоятельство, что все, куда ни попадает моя жалоба, дальше того, что зафиксировано в коротком приговоре тройкой ПП гор<ода> Полоцка, не смотрят; такое же положение имеет место, когда вопрос касается зачета рабочих дней.

Вот почему мне сняли все зачеты рабочих дней, и два дня назад сообщили, что срок освобождения точно той датой, что и арест.

Учитывая все отмеченные обстоятельства дела не трудно судить о том, что и по отбыванию полностью срока это отношений ко мне не

изменится; и раз это так, то стоит ли вообще влачить столь глупое существование.

Екатерина Павловна! Не подумайте, что это отчаяние человека — нет. Все это диктует практика пережитого и абсолютное непоколебимое убеждение, что при таком положении моя жизнь обречена на страдания и к тому не заслуженные.

Мне совершенно ничего не жаль кроме одного, что 15 летний труд моего учения стал и мне и обществу не нужным.

Жалеть же родных или жену также не приходится только потому, что сам нахожусь не только в жалостном, но и плачевном состоянии.

Я ведь не человек, не теперь, не в будущем, а просто загнанный хищник, приветствием коему при встрече может быть одно: Ату его! Контрреволюционера и шпиона и если не так грубо, то пусть себе с применением <нрзб.>, однако от этого будет не легче.

Я Вас не только прошу, но умоляю посодействовать моему пересмотру дела, следственный материал коего находится в ПП или же погранотряде гор<ода> Полоцка БССР.

Мне жалеть о том, что почти отбыл полностью наказание, не приходится, главное заключается в снятии с меня столь тяжелого преступления, коего я никогда не совершал и даже не видал во сне.

Буду надеяться на Вашу помощь, ибо все остальные надежды рушились — эта единственная, коя будет судьей моего дальнейшего существования или же его бесцельности.

К сему М. Осипович.

26/XII-1935 г<ода>.

6-й участок Икшанского Района, ст<анция> Икша.

Личное дело по Дмитлаг № 70910»¹.

В 1936 — Михаил Васильевич Осипович был переведен в Белбалткомбинат. Осенью 1937 — переведен на тюремный режим, 20 ноября приговорен к ВМН и 28 ноября расстрелян в урочище Сандармох под Медвежьегорском².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1510. С. 218. Автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.